

«Без любви здесь обойтись нельзя...»

ОСОБЕННОСТИ МИССИОНЕРСКОГО СЛУЖЕНИЯ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Продолжая традицию знакомства с миссионерским служением в местах лишения свободы, которое несут студенты, преподаватели Московских Духовных школ и насельники Троице-Сергиевой Лавры, предлагаем вашему вниманию беседу с лаврскими архимандритами Трифоном и Никодимом.

— Отец Трифон, вот уже десять лет Вы с отцом Никодимом посещаете следственный изолятор города Сергиев Посад: совершаете богослужения, исповедуете, беседуете, помогаете подследственным, по возможности, и материально. Наверное, не одна тысяча заключенных имела с Вами встречу, пусть не личную, но хотя бы в письмах. В связи с этим возникает вопрос: а многие ли из арестантов осознают причину, по которой как они оказались в СИЗО?

— Да, уже не первый год мы посещаем СИЗО. Отсидевших в этом заведении многие и за людей-то не считают. В течение мы встречаем на службах более четырех тысяч человек, которые соприкасаются с нами, проходят через наши сердца. И мы часто сами задаем себе вопрос: беспокоит ли их, как они оказались в следственном изоляторе, и то, что они совершили? По большей части ответ один: вот, мол, оказался в следственном изоляторе, и меня ждет наказание. Страшно, конечно, что переживают только о том, что они там оказались, и не размышляют над тем, за что они там оказались.

Сейчас наступило благоприятное время для познания духовных истин, но людей, которые бы по-настоящему тянулись к вере, к покаянию, встречаешь очень редко. Сам апостол Павел говорит, что вера — это дар Божий. Вера в сердцах людей, видимо, может возгореться по молитвам их родителей или предков. В местах лишения свободы они начинают задумываться о смысле жизни, о вере, о своих падениях и сокрушаться о них. Вся сознательная и несознательная жизнь человека привела к тому, что он попал в следственный изолятор.

Воспитание измеряется не только отрезком жизни после рождения. Как мы знаем, человек формируется духовно и нравственно уже в утробе матери — так учат святые отцы и Священное Писание. Дети страдают за грехи родителей: зачаты не вовремя, зачаты в пьянке, наркомании, и впоследствии дети растут беспутными, становятся пьяницами, наркоманами, ворами. Контин-

гент, находящийся в тюрьме, в основном, из неблагоприятных семей.

— Студенты Московской Духовной Академии каждую неделю приходят с проповедью слова Божия в камеры к малолетним преступникам, проводят духовные беседы на доступном для них языке, стараются привести их к вере, но результат малоутешителен: единицы из огромного числа подследственных обращаются к Богу. Как Вы думаете, батюшка, в чем причина такой “непробиваемости”, ведь, казалось бы, есть все условия для того, чтобы прийти ко Христу: и храм, и исповедь, и проповедь, и духовные книги?

— Все средства для спасения имеем и мы, и они. А вот эта “непробиваемость” зависит от того, что люди были зачаты в греховной жизни. Наше общество — общество атеистическое, 75 лет оно воспитывало людей, далеких от веры, от Бога, калечило, ломало, выбивало у людей веру в загробную вечную жизнь. У всех на виду люди, достигнув каких-либо высот, умирают; приобретая несметные богатства, заболевают страшными болезнями, уходят из этой жизни: все ломается, все бессмысленно. Никто не может продлить ни одной минуты нашей земной жизни, только с Богом обретается смысл существования.

Люди, попавшие в изолятор, тянутся, пока еще неосознанно, к Богу, так как по природе душа каждого человека — христианка, и поэтому она не может не стремиться к Вечному. Но, получив насильственно атеистическое воспитание, люди еще не в силах разобраться в основах веры. Одел крестик и уже стал верующим? — Нет. И вот именно эта миссия воцерковления ложится и на студентов Духовных школ, и на священников, которые приходят в места лишения свободы. Тюремная миссия — одно из самых сложных послушаний, самых ответственных и непростых. Мы знаем миссионеров, трудившихся до революции — и в то время их были единицы. Эти люди по-

Архимандриты Трифон и Никодим

свящали всю свою жизнь не достижению собственных благ, а служению страждущим. Ехали на крайние точки нашей страны к ссыльным каторжникам, где, проповедуя, приводили больных, прокаженных людей к вере, не задумываясь о себе.

Эта миссия особая, поэтому ожидать сразу каких-то плодов нельзя. Наше дело — проповедовать, а уж Господь будет судить, кому идти путем Божиим. Нам только кажется, что мало плодов, но не нам судить о них, а Богу.

— Может быть, вся причина в миссионере, в его умении приводить людей ко Христу?

— Миссионерская деятельность, я еще раз подчеркиваю, — это особое призвание Божие. В нашей стране 75 лет царил атеистическое язычество, поэтому привести кого-то к вере в одночасье невозможно — это выше человеческих сил. Когда мы с отцом Никодимом впервые пришли в тюрьму, в наших сердцах горела идея, что мы будем учить людей, проповедовать, объяснять им как жить, но, пообщавшись с ними, окунувшись в их страдания и горе, мы поняли, что не все так просто, как написано в книгах. Никакого книжного пособия не может

быть для миссионерской жизни. Как можно человека научить любить? Это — дар Божий, а без любви здесь обойтись нельзя. Нужно именно полюбить людей в их страданиях, несмотря на то, какой поступок или преступление они совершили. Сам Господь пришел спасти грешников.

Больших плодов, резкого подъема веры мы не видели и даже не мечтали увидеть. Были случаи, которые нас очень радовали. Вот один из них. Мужчина отсидел большой срок, общался со мной на исповедях, в духовных беседах. Я думал, что его уже увезли на зону, но оказалось, что он в карцере. И вот, когда я подходил к двери карцера, этот человек сам услышал и понял по шагам, что это я проходил по коридорам тюрьмы. И он произнес слова, которые меня потрясли и заставили задуматься о своей жизни. Он сказал: “Я плакать научился”. Он стоял, как ребенок, говоря, что для него это великая радость, он плакать научился. Святой апостол Петр плакал всю жизнь, а мы — люди грешные, как нам не плакать о своих грехах? Так Господь утешил этого узника и мне открыл глаза.

Надо сказать, что заключенные — люди очень чувствительные, они видят и тонко чувствуют человека. И если в душе миссионера будет неискренность, безразличие, то с таким настроением туда идти просто бессмысленно. Вам не поверят, если не будет искренности, любви.

Опыт работы в тюрьме приходит не по книжкам, не сразу, а приходит из сострадания, переживаний, общения, работы над самим собой. Уверенность, что они нам безразличны, дает их близкое расположение. Многие из заключенных пишут из зон трогательные письма. Присылают к нам своих родителей на беседу, сами приезжают после заключения, благодарят. Им помогли встречи со священниками в тюрьме, это удержало их от того, чтобы окончательно не сломаться в жизни, остаться человеком, выйти на волю с совсем другим мировоззрением.

Недавно ко мне пришел человек, вызвал меня уже вечером, назвал свою фамилию, и я вспомнил его: десять лет назад мы общались с ним в изоляторе. Он писал мне письма, а теперь приехал специально с женой: “Ей бы только на Вас посмотреть”. Мне, конечно, было приятно, что он не забыл наши встречи. Он сказал, что только вера сохранила его от многих преступлений, и когда он вспоминал наши проповеди, это его хранило, оберегало от всего плохого. Они приехали не только, чтобы повидаться со мной, но чтобы продолжить свою духовную жизнь. Задавали вопросы, как им повенчаться, как жить духовной жизнью в семье. И это были не праздные вопросы.

Вот некоторые плоды нашего неумелого миссионерского служения среди заключенных. Господь нас утешает и показывает, что не в наших словах и действиях успех, а в руках Господа.

— Немалая ответственность лежит на пастыре в деле духовного попечения о заключенных, хотя, конечно, священник понимает, что ему вовсе необязательно удастся сделать их верующими людьми...

— Многие заключенные нас не понимают, но это дело времени: сегодня они нас не понимают, а завтра, в какой-

то тяжелый момент, они вспомнят и наши службы, и наши беседы. Капля камень точит. Каждая капля Слова Божия, упавшая на сердце человека, дает свои плоды, только надо с терпением ждать. Мы это можем сказать с полной ответственностью.

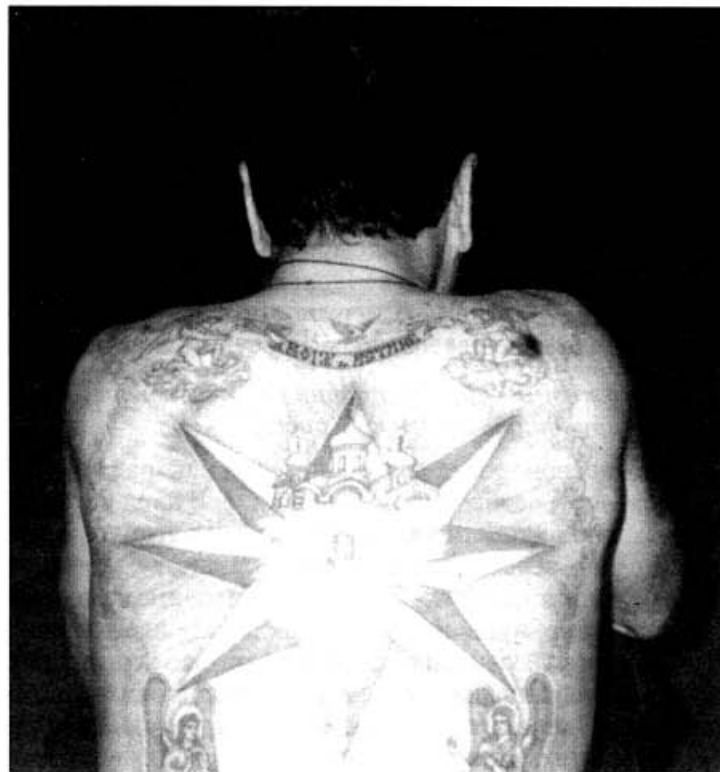
В течение десятилетнего служения на этом поприще мы были свидетелями того, что люди просили прощения за кичливое поведение во время бесед, за насмешки. Порой у них проявляется какое-то мальчишество: желание показать себя более авторитетными друг перед другом. Кичение и мешает во время бесед. Эти порывы глупы, неразумны, и потом многие просят прощение за то, что на беседах в храме плохо слушали, разговаривали. На следующий день в изоляторе все надели кресты, пришли в тюремный храм на службу, на собеседования. Хотя немногие из них задумались над изменением своей жизни, но эта потребность в Боге все притягивает, как живая вода, как воздух, и мы не знаем, в который час благодать призвет каждого из них. Пусть в изоляторе они еще свою жизнь не изменили, но они приходят на беседы, слушают, задумываются, и пройдет время, где-то далеко, на зоне они все вспомнят, все переосмыслят. Господь касается их сердец, как мы видим по письмам. Они пишут: "Сейчас, оказавшись далеко, в тяжелых условиях, я стал по-настоящему задумываться о смысле своей жизни, о Боге, и прошу Вас, не оставляйте меня. Если я там, в изоляторе, был безразличен к проповедям, беседам, то сейчас я Вас очень прошу: помогите, как можете, не только материально (сухарями и чаем), а помогите духовной литературой, которая может вести человека к спасению". Как необходимы здесь миссионерские проповеди семинаристов или просто верующих людей; необходимо поддерживать человека, протянуть ему руку помощи. В этих случаях помочь материально — не главное. Намного дороже Божие Слово, слово искреннее, от сердца. Радует то, что Господь, утешая нас, показывает нам в некоторых людях проявление нашей работы, их духовное возрождение.

Вот, например, на днях мне пришло письмо от солидного "авторитета" в преступном мире. Он пишет: "Не знаю, как бы я жил, да и стоило ли бы жить, если бы Господь Бог не послал Вас на моем грешном пути. От Вас я узнал, что есть иная жизнь — значимая и истинная, очень тяжелая, но достойная. В душе моей происходит большая борьба, и я чувствую, что мне не хватает духовных сил". Явно, что врагу (диаволу) не нравится, когда человек увидел всю бездну своего падения, когда он карабкается из пучины грязи. Дальше он пишет: "Все мои преступления перед Господом камнем висят в моей жалкой душе. Ой, сколько всего было, и не дай Бог, если еще будет. Жизнь свою прокручиваю, как боевик, и ничего доброго, одно зло. Страшно становится от прожитого, за такой образ жизни, не только диабет, которым я сейчас болею, а все болезни должны меня уничтожить". Вот это потрясает колоссально. Его беспокоит не столько физическая болезнь, сколько духовная: камнем лежат на душе грехи. Из этого письма видно, что человек понял, **зачем** он в тюрьме, а не **за что**. Он говорит, что все болезни должны поразить его за всю его греховную

жизнь... Такие случаи есть, и дай Бог, чтобы их было больше. А это зависит от нас, от нашего расположения к людям. Насколько мы будем сопереживать их страданиям, настолько Господь приоткроет нам эту завесу — тайну общения с ними, чтобы они потянулись к нам, раскрылись, расположились и шли путем спасения.

— *Отец Никодим, у Вас тоже колоссальный опыт общения с заключенными: можно сказать, что Вы провели в СИЗО Сергиева Посада больше времени по продолжительности, чем даже некоторые из "эзков". Вы занимаетесь, в основном, с великовозрастными преступниками как первой судимости, так и рецидивистами. Скажите пожалуйста, в чем секрет Вашего умения устанавливать живой диалог с заключенными?*

— Во-первых, это умение основано на Божественной помощи. Во-вторых, обычно в мирских условиях всех этих людей осуждают: вот они, мол, бандиты, убийцы, воры. На них смотрят неблагожелательно, с презрением, порой и с отвращением. У нас же другое отношение. Почему? Христос сказал: "Если темницу посетили, Меня посетили" (ср. Мф. 25, 35). Какими бы страстями ни был одержим преступник, мы видим в нем образ Христа. Мы не укоряем их. Да, мы говорим, что они попали сюда по разным мотивам, но причина одна — жили без Бога, не было страха Божия. Они не слушали родителей, были окружены преступной средой. Когда они видят с нашей стороны не осуждение, а снисхождение, милосердие, любовь, тогда они понемногу раскрываются. В изоляторе над ними ведется следствие, и это накладывает на них отпечаток боязливости, страха сказать что-то "лишнее", якобы батюшка может поставить в известность об этом

оперативника, и им добавят срок. Наша цель состоит в том, чтобы они осознали, за что они здесь очутились, и что какой бы срок им не дали, перед вечным мучением это есть ничто. Страдания вразумляют, ставят на путь правильной жизни.

— *Когда беседуешь с арестантами, то замечаешь, что они не только сердцем, но и разумом не могут воспринимать духовные истины. Им приводишь факты, доказательства, достоверные примеры, на основе которых мы верим в Бога. Почему так происходит, отец Трифон, все разъяснено, аргументировано, а у них как пелена перед глазами, и они не могут ни анализировать, ни сопоставлять, ни делать выводы?*

— Встречаются люди, страдающие слабоумием. Но есть и такие, которые мыслят и рассуждают правильно. Если они не воспринимают горячо и быстро — это лишь свидетельство того, насколько их духовная жизнь была отравлена в семье, в обществе, в кругу их общения. Не надо забывать, что эти люди находятся, в основном, под следствием. Они еще не знают, какое наказание их ждет, и вот этот страх перед судом порой затмевает у них и разум, и мышление. Это как раз и надо сатане, чтобы помрачить их души и не дать задуматься о смысле существования, о Боге, загробной жизни.

— *Существенная ли разница между малолетними и совершеннолетними, находящимися в следственном изоляторе?*

— Разница очень большая: во-первых, взрослые — уже сформировавшиеся люди со своим мышлением, опытом, укладом жизни. С ними намного сложнее, так как надо через устоявшиеся понятия и мышление приводить их к вере. А дети есть дети, они воспринимают на слух, как губка, все впитывают. Конечно, с ними нужно чаще общаться, оказывать снисхождение, любовь. Любовь все покрывает. Эта любовь заставляет и детей, с их детским мировоззрением, надломленным и испорченным, измениться. Мы видим это на исповеди. Малолетки рассказывают, что их мучает совесть о содеянных грехах. Видишь, насколько глубоко переживает ребенок, совершивший преступление не задумываясь о последствиях. Но, попав в храм на беседу с батюшкой или студентом, меняет свое мировоззрение. С детьми надо быть ласковыми, проявлять больше любви.

— *На духовно-нравственных беседах с малолетними порой создается впечатление, что тебя воспринимают не только как собеседника, но и как сотрудника администрации.*

— Это встречается и у нас. В первое время чувствуется недоверие. Они знают, что в изоляторе идут на все способы, чтобы узнать тайну показаний подследственного. И наше присутствие, наши вопросы их настораживают. У них закрадывается подозрение, не сотрудничаем ли мы с администрацией. Это надо исправлять индивидуально, доказать, что мы никакого отношения к следствию над ними не имеем. В таких случаях мы, основываясь на

Священном Писании и на жизни святых отцов, должны убедить их, что донос является смертным грехом и доносчики Царства Небесного не наследуют. Мы не пытаемся их тайн, но если они сами хотят рассказать о своей жизни, то мы всегда готовы выслушать. Мы стараемся не касаться содеянного, а предлагаем поразмыслить, какое зло несет тот или иной грех в жизни человека, и каковы его последствия. Не важно, где он украл, с кем он украл. Этими вопросами занимаются следственные органы, а мы как верующие люди должны помочь разобраться, пережить все это, поставить его (преступника) на место пострадавшего, чтобы он увидел бездну греха, который приносит страдания.

— *Какое значение, на Ваш взгляд, имеет для будущего пастыря его практическое знакомство со служением в пенитенциарных учреждениях до принятия священного сана?*

— Очень хорошо, что посещают изолятор наши помощники — студенты Духовных школ. Получается или не получается — это не самое главное. Все они пришли учиться в Духовные школы, чтобы стать священниками, а рано или поздно им придется, по долгу пастыря, посещать пенитенциарные учреждения. Преступность растет, общество деградирует, теряет смысл жизни. Они, оступившиеся, придут к молодому священнику советовать: как жить, как бороться с пороками и страстями, что необходимо для того, чтобы стать человеком. Общаясь с этим миром сейчас, во время учебы, студенты приобретают опыт. Они смогут стать опытными духовниками, смогут вести к вере любого человека. Это великое дело.

Конечно, мало радости ходить в СИЗО, видеть страдания, те ужасные нечеловеческие условия, но студенты идут, и мы за них рады и благодарим их за помощь. Миссионерская деятельность есть Голгофа — решимость посвятить себя полностью спасению людей, которые находятся в темнице. Это настолько великая миссия, что Сам Господь говорит об этом в Священном Писании: кто посещает тюрьму, тот посещает Самого Господа нашего Иисуса Христа. Через сердца заключенных Господь смотрит на сердце каждого из нас, как мы относимся к этим обиженным, сломанным и духовно искалеченным.

Сегодня, когда люди находятся в изоляторах, на зонах, в колониях, нужны миссионеры, чтобы протянуть им руку помощи. Если мы с вами, живя в духовных, святых местах, и то грешим, не осознавая порой своих падений, то как быть людям, которые находятся в бездне преступлений, в клоаке самых низменных грехов? Они вырываются из нее, тянутся к нам, просят нашей помощи. Поэтому миссионерское служение в тюрьмах имеет высокое значение. Дай Бог здоровья и крепости всем тем, кто идет этим путем. Дай Бог, чтобы таких людей становилось больше.

*Интервью подготовил
Игорь Ходыкин, 4 курс МДА*